

1 ИЮЛ 1957
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ ПРАВДА
Г. Гальчин

стройства популярны...

НЕДАВНО адыгейский областной театр драмы имени А. С. Пушкина завершил свои гастроли по нашей республике. Адыгейцы играют на двух языках — на родном и русском. Труппа состоит, в основном, из молодых артистов, окончивших театральный институт в Москве.

Старшее же поколение актеров завершило свое театральное образование еще в сороковые годы, почти в одно время с первыми выпусками кабардинской и балкарской студии при государственном институте театральных искусств имени Луначарского. Это заслуженная артистка РСФСР Унай Цей, Маджид Шовгенов, Сулейман Татлок и другие. Они — украшение всей труппы театра, актеры большой сценической культуры, яркого и самобытного мастерства. Даже в небольших эпизодических ролях и выходах, не говоря уже о ведущих, чувствуется их школа, усердие в поисках, четкость в трактовке и глубина раскрытия роли, а нередко и удивительная подача материала.

Но основное ядро адыгейского драматического театра, повторяем, — молодежь, весьма интересная и талантливая. Радует, прежде всего, что она почти не знает заносенных театральными штампов, шаблонной, самолюбования. Она непосредственна, правдива и, что не менее важно, все молодые актеры обладают хорошими сценическими данными, поют и пляшут с одинаковым успехом. Видно, что к набору второй театральной

студии товарищи из Адыгеи отнеслись серьезно и со знанием дела.

Адыгейцы преуспели и в области режиссуры. Они создали свою национальную режиссуру. Я имею в виду заслуженного деятеля искусств РСФСР Маджида Ахеджакова, Маджида Шовгенова и молодого режиссера Нурби Тхакумашева, возглавляющего ныне коллектив театра.

Адыгейский театр привез к нам пять спектаклей: «Дочь Ганга» — по Рабиндранату Тагору, «Любовь Софии» — осетинских драматургов С. Хубецова и Г. Хугаева, «Когда в сердце тревога» — М. Ланской и Д. Малько, комедию-водевиль «Муж моей жены» — Георгия Хугаева и «Заврхан и Заврхан» — адыгейского драматурга Аслана Хачака.

Естественно, что только по этим спектаклям судить об общем творческом направлении театра, а тем более о его скрытых возможностях и устремлениях опрометчиво и рискованно. Каждый из этих спектаклей, взятых отдельно, в актерском и постановочном плане по-своему красив, хорош и нужен. Если же попытаться по ним определить стремление адыгейского коллектива в целом, мы не получим ясного представления — настолько предложенный нашему вниманию репертуар разнохарактерен и многолик.

И все же, если судить по программе гастрольных спектаклей, создается впечатление, что адыгейцы особое предпочтение отдают жанру коме-

ди. Бесспорно, адыгейская труппа обладает весьма колоритными актерскими силами. Да и режиссура не прочь показать себя именно в этом жанре. Например, в спектакле «Любовь Софии» мы были так увлечены изумительным каскадом комических положений и острых сцен, умно и с тактом найденных режиссером П. Хакумашевым и с большой виртуозностью исполненных артистами, что порой терялись в догадках: что за театр перед нами — драматический или театр сатиры облегченного профиля?

В этом спектакле почти невозможно выделить особо кого-нибудь из исполнителей. Контрастны и разнохарактерны роли двух старух-матерей Афицсы (Унай Цей) и Ладинки (Марията Хурум). Очень «сочен» почталыон Казбек (Сулейман Татлок), гротескно, но без нажима играет свою роль Майрам (Юсуф Хут). В таком же плане подается и роль свахи Салфетки (Софья Тхаркахо). Интересно раскрывают молодые актрисы Сара Хакуа и Нафисат Және образы Софии, доярки и Сафиат, ее подруги. Темпераментно и с большим пафосом и обаянием играет Чалай Муратов своего Хундага — влюбленного инженера-механика. Даже Мухтар Усток, не произносящий ни одного слова, создает законченный типаж сплата-старика Магомета.

Почти на таком же уровне — высоком, комедийном, с элементами гротеска и водевиля — проходит и спектакль «Муж моей жены». Сама

пьеса не несет на себе серьезной нагрузки. Здесь все рождается в старом, традиционном водевильном плане: имеются сцены переодевания мужчины в женское платье, неуклюжий искатель счастья и приключений и т. д. И все же спектакль смотрится. Именно смотрится. Забавная водевильная комедия смешит. Но только смешит, не более.

Правомерно ли появление в репертуаре театра «Мужа моей жены»? Возможно, какие-то соображения и заставляют театр обращаться к пьесам такого жанра, но увлекаться ими, на наш взгляд, не нужно. «Водевильность», легковесность, трюнячество, при неумеренном увлечении ими, могут захлестнуть то самое главное, без чего немыслимо драматическое искусство, а именно — глубину психологического раскрытия образа, его внутреннего мира.

В этом смысле самой интересной в адыгейском театре следует признать постановку «Дочь Ганга» по мотивам романа Р. Тагора «Крушение» в инсценировке Александра Гинзбурга.

В этом спектакле с наибольшей силой обнаруживаются художественные возможности наших дорогих гостей, их стремление познать психологическую сущность создаваемых образов, глубину чувств и мыслей героев.

Во всех отношениях «Дочь Ганга» — бесспорная удача театра. В спектакле нет броских и

ТЕАТР

стремительных сцен, он весь построен на элементарных полутонах, но в то же время эта спокойно и величаво раскрывающаяся трагедия целого народа, целой страны захватывает и волнует вас от первой до последней сцены.

И дарование молодого режиссера Нурби Тхакумашева располагает к себе умением предельно лаконично говорить языком сцены. Режиссер не торопится, иногда даже кажется, что он придерживает ритм спектакля, притормаживает само действие. Но всем этим он как бы акцентирует узы и повороты в судьбе каждого героя, то лирико-эпическое начало, которое, в конечном счете, и движет весь спектакль. Нужен большой такт, чтобы не увлечься мимикой экзотичной Индии, «романтической графической волной» любовных любовных ситуаций, чтобы донести до зрителя исповедь автора о том, что любовь чиста и сильна, когда она жертвенно человечна.

Мысли и поступки героев и режиссерски, и актерски сотканы из бесчисленных разноцветных узоров, искренне правдивых чувств и побужде-